

Поэма Маяковского «Про это» в прижизненной критике

Т. А. МАЛЯЕВА

(ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. М. ГОРЬКОГО РАН)

В статье раскрывается полемика представителей наиболее значимых советских литературных группировок 1920-х годов вокруг поэмы В. Маяковского «Про это».

Ключевые слова: В. Маяковский, «Про это», критика, литературные группировки, РАПП, Леф, М. Павлов, Н. Ф. Чужак.

Литературный процесс в советской России 1920-х годов, как никогда, являлся отражением общественной жизни, и политический момент играл в судьбах русской литературы «определяющую роль» (Корниенко, 2010: 3). В это время функционировали такие крупные литературные объединения, как РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей)¹ и Леф (группа «Левый фронт искусств» и одноименный журнал)². Между ними шла борьба за право руководить современным литературным процессом в стране и определять единственно верные стратегии развития и понимания русской литературы.

В новом государстве критика еще не выработала единые, четкие принципы оценки лите-

ратурного произведения. Каждое новое произведение оценивалось прежде всего с политических, идеологических позиций.

Появление поэмы В. Маяковского «Про это» в первом номере нового журнала «Леф» 29 марта 1923 г. стало событием в творческой биографии поэта и предметом полемики в прессе. В газете «Наш понедельник» делался краткий обзор новых книг, появившихся в 1923 г.: «Лучшее, что дал Маяковский последних трех лет. Патетика, заменяющая у него всегда лирику, вместе с сатирой определяют характер этой поэмы, раздвигающей личную и мелкую тему до размеров общей» (Новые книги..., 1923: 2).

То, что поэму критиковали, для Маяковского было не ново. Но необычным было то, что

критиковали с разных, зачастую противоположных, позиций. Критиковали и «свои», и «чужие», приводя аргументы согласно своим политическим убеждениям, эстетическим программам. Вапповцы (рапповцы) в своих печатных органах («На посту», «Красный журнал для всех») громили ее с позиций «пролетарского» охранительства, имажинисты (литературная группа, основанная в 1919 г. В. Шершеневичем, С. Есениным и А. Мариенгофом) в журнале «Гостиница для путешествующих в прекрасном» назвали «Про это» «малограмотной халтурой».

Наиболее интересна оценка поэмы представителями двух значимых литературных группировок 20-х годов: РАПП и Леф. Каждая из них претендовала на роль лидера в литературном процессе нового государства и имела свой взгляд на новое пролетарское искусство. Если РАПП настаивала на жестком классовом подходе к литературе и искусству, то Леф волновали вопросы новой эстетики — разработка основ теории «искусства жизнестроения», «производственного искусства», «социально-заказа», «литературы факта».

Представитель рапповцев М. Павлов в «Красном журнале для всех» (1924), находя интересным сходство поэтических приемов Маяковского («о балладе и о балладах») и Пастернака («темы и вариации»), отмечая влияние Гейне на творчество Маяковского (его «Человек из-за 7-ми лет» в близком родстве с гейневским «Двойником»), все-таки утверждает, что «последняя книга мало нового прибавляет к литературному облику» поэта (Павлов, 1924: 481).

Обращаясь к ранним произведениям Маяковского, критик видит его «революционером в искусстве», чей «ритм, грамматика разбивали привычный бег стиха, <...> гиперболы, увеличения были убедительны самой своей неожиданностью». Но «теперь гипербола стала штампом Маяковского». «Маяковскому арене непременно нужна вселенная, а художественно правдивого чувства хватает ему только на комнату» (там же: 481), — заявляет Павлов. Несмотря на то что, по мнению автора статьи, «Маяковский считает себя выразителем мировой революции, выразителем пролетариата», он не может считаться глашатаем идей проле-

тарской молодежи: «...слово — не истощный вопль, и слово это скажет другой, который и станет выразителем пролетариата» (там же).

Но самым болезненным для поэта было непонимание поэмы единомышленниками по перу, некоторыми соратниками-лефовцами. Внутриредакционный конфликт стал явным сразу же после выхода первого номера журнала. Многим не понравились слишком отчетливо проступающие «личные мотивы» поэмы. «Про это» оказалась олицетворением того, что лефовцы вообще выносили за рамки современного искусства. Е. В. Семенова, в 1920-х годах входившая в Леф, так описывает идеологическую атмосферу, царившую тогда в группе: «Удивительной была эта боязнь показать любое непосредственное чувство — восхищение хотя бы природой, пьесой, человеком, наконец. <...> В Лефе утерялись обычные человеческие слова. Они остались, вопреки теориям, в поэмах Маяковского» (Семенова, 2008: 671–672).

Во втором номере журнала «Леф» 1923 г. с критикой поэмы выступил Николай Чужак, в прошлом ревностный пропагандист творчества Маяковского. Именно он в 1921 г. дал официальный отпор словам Сосновского о «маяковщине». Критикуя поэму, Чужак раскритиковал и оформление книжного издания (фотоколлаж А. Родченко), увидев в нем «разложение», которое заключалось в том, что, подчеркивая автобиографичность поэмы, Родченко поместил на обложку фотопортрет Л. Брик. Все дело в том, что поэма «Про это» вступала в непримиримое противоречие с теориями Лефа, с теорией производственного искусства. В эту теорию хорошо вписывалась, например, реклама, но не любовная лирика. В одном из трех манифестов Лефа утверждается, что главное оружие в борьбе с бытом — это «пример, агитация, пропаганда». По мнению Чужака, рекламные стихи поэтов Лефа «в целом и нужнее, и выше пономарских поэм», строки Маяковского, рекламирующего товары для государственной или кооперативной торговли, «бесконечно ценнее ряда патетических, но уже не задевающих за сознание строк того же поэта» (Чужак, 1923: 151).

Чужаку было трудно понять, как Маяковский мог соединить теории Лефа о произ-

водственном искусстве с индивидуалистическим настроем поэмы «Про это». Он призвал Маяковского платить «по выданным производственным векселям». Критика носила идеологический характер, и в ее основе лежало жесткое требование соблюдать лефовские каноны.

«Чувствительный роман... Его слезами обольют гимназистки... Но нас, знающих другое у Маяковского и знающих вообще много другого, это в 1923 году нимало не трогает», — иронизировал Чужак (Чужак, 1923: 152).

«Здесь все, в этой «мистерии» — в быту. Все движется бытом. «Мой» дом. «Она», окруженная друзьями и прислугой. Томная. «Быть может, села вот так невзначай она». «Лишь для гостей, для широких масс». Танцует уанстеп. «А пальцы» — ну конечно же! — «сами в пределе отчаянья, ведут бесшабаше над горем глумясь». Это — «она». А «он» — подслушивает у дверей, мечется со своей гениальностью от мещан к мещанам, толкует с ними об искусстве, сладострастно издевается над самим собой («слушали, улыбаясь, имени того скомороха», — «футурист, налягте-ка!»), и — умозаключает:

— «Деваться некуда»!

Воистину — «деваться некуда»: весь вольный свет кольцом быто-мещан замкнулся! В 1914 году поэт был более зорким, и его «герой» знал «выход»...

Раз «деться некуда», остается одно — идти по привычной дорожке: рваться в вечность, возноситься на небо, разгуливать на ходулях по крышам Парижей и Нью-Йорков, беседовать с Большими Медведицами и т. д. В 1915–16 году это было убедительно, — ну, а в 1923 году просто ненужно» (там же: 152).

Как ранее сам Маяковский предлагал «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого... с Парохода современности», так и Чужак теперь утверждает по поводу самого Маяковского: «...совершенно не нужно такое «футуристическое» искусство, которое, базируясь в мещанстве и в быту, старается немотивированным прыжком в «Тридцатый Интернационал» или «вечность» замазать противоречие настоящего. Футуризм, не строящий ежедневного, сообразно задачам дня, мостика в грядущее

завтра — никому, кроме «революционных» мещан, не нужен, — ибо подобный футуризм не только не «изобретателен», но и представляет собой лишь первый способ ухода от действительности, новый вид пассаизма» (там же).

Если Маяковский видел, что «краснофлагий строй» не сумел победить силу, управлявшую любовью и бытом в дореволюционной жизни, то Чужак считал святотатством сомнение в возможности победы коммунизма над бытом: «Период брудершафтов с Большими Медведицами для футуризма прошел. Нужно уже не махание руками в «вечности» (фактически уже, фатально — во «вчера»), а самое упрямое рабочее строительство в «сегодня» (там же).

Надежду Маяковского на то, что «есть выход», и этот выход — в будущей «изумительной жизни», Чужак называет «верой отчаяния, от «некуда деться». Не выход, а безвыходность» (там же).

Маяковский, переживавший сложный период в творческом развитии, несомненно, ощущавший разрыв между лефовскими декларациями и лирической стихией поэмы, объявляется этаким парнасцем («запарнасившимся богатырем футуризма»), загнавшим себя в тупик безысходности (Михайлов, 2001: 321).

Разрыв становился еще более очевидным в связи с тем, что Маяковский-лектор, редактор, и теоретик утверждал производственное искусство, искусство жизнестроения, а в своих произведениях оставался пронзительным лириком, а теоретики левого искусства (Н. Чужак, Б. Арватов) приспособлялись к Лефу верхи формалистической эстетики и, по сути, вели дело к ликвидации искусства в его традиционном, естественном восприятии.

Несмотря на попытки оправдать поэму «Про это» тем, что она — о борьбе против быта, критику, обвинявшую Маяковского в тематическом отступлении от канонов Лефа, поэт признал. До конца 1923 г. Маяковский написал около сорока стихотворений исключительно на злободневные темы. Теперь он отдает всю свою энергию сочинению «производственных» стихов, становясь в известном смысле поэтическим журналистом. Это соответствует теории Лефа, согласно которой журналист-

тика считается образцовым жанром в борьбе за повышение уровня народного сознания и образования (Янгфельдт, 2009: 284).

Подытожив все сказанное, можно сделать вывод, что в большинстве своем критика не поняла и не приняла поэму. Такие несхожие в своих эстетических программах вапповцы и лефовцы сошлись в оценке поэмы как крайне неудачной. Соратники по Лефу видели в ней отступление от канонов «жизнестроительства» и «литературы факта». Представители группы «Октябрь» считали ее идеологически невыдержанной. Если, рассматривая до-революционное творчество поэта, критика считала оправданным обращение Маяковского к лирическим темам, то после Октября от Маяковского ждали другого, принимая его исключительно как «агитатора, горлана-главаря», творца новой жизни в коммунистическом государстве и новой поэзии, помогающей строить это государство.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РАПП оформилась в январе 1925 г., но ее история началась в 1920 г.: в 1920 г. возникла ВАПП (Всероссийская ассоциация пролетарских писателей); в 1923 г. организуется МАПП (Московская ассоциация пролетарских писателей); в 1928 г. ВАПП превращается в ВОАПП (Всесоюзное объединение пролетарских писателей). Так как изменение названий многочисленных рапповских подразделений не отразилось на позиции организации, в истории литературы принято одно наименование — РАПП. В ассоциацию входили С. Родов, Г. Делевич, А. Авербах, из известных писателей — А. Фадеев, Д. Фурманов, Ю. Либединский и др.

² В 1923–1925 гг. журнал назывался «Леф»; в 1927–1928 гг. — «Новый Леф». Группа представляла собой радикально левое крыло в литературе и искусстве. В нее входили В. Маяковский, Н. Чужак, В. Шкловский, Н. Асеев, О. Брик, Б. Арватов и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Корниенко, Н. В. (2010) «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М. : ИМЛИ РАН.

Михайлов, А. А. (2001) Жизнь Маяковского. Я свое земное не дожил. М. : Центрполиграф.

Новые книги: краткий обзор новых книг, появившихся в 1923 году (1923) // Наш понедельник. 23 июля. С. 2.

Павлов, М. (1924) Рецензия на книгу: Маяковский В. Про это // Красный журнал для всех. № 6. С. 481.

Семенова, Е. В. (2008) Из воспоминаний о Маяковском // Творчество В. В. Маяковского в начале XXI века. Новые задачи и пути исследования. М. : ИМЛИ РАН. С. 648–710.

Чужак, Н. (1923) К задачам дня (статья дискуссионная) // Леф. № 2. С. 145–152.

Янгфельдт, Б. (2009) Ставка — жизнь. Владимир Маяковский и его круг. М. : КоЛибри.

MAYAKOVSKY'S POEM «ABOUT THIS» IN HIS LIFETIME CRITICISM

T. A. Maliaeva

(The A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences)

The article reveals the polemics between the most significant representatives of the 1920s Soviet literary groups on Mayakovsky's poem «About This» («Pro eto»).

Keywords: V. Mayakovsky, «About This», criticism, literary groups, the Russian Association of Proletarian Writers, the Left Front of the Arts, M. Pavlov, N. F. Chuzhak.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Kornienko, N. V. (2010) «Nepovskaia оттеpel'»: stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki. M. : IMLI RAN.

Mikhailov, A. A. (2001) Zhizn' Maiakovskogo. Ia svoe zemnoe ne dozhil. M. : Tsentrpoligraf.

Novye knigi: kratkii obzor novykh knig, poiaivshikhsia v 1923 godu (1923) // Nash ponedel'nik. 23 iuliia. S. 2.

Pavlov, M. (1924) Retsenziia na knigu: Maiakovskii V. Pro eto // Krasnyi zhurnal dlia vsekh. № 6. S. 481.

Semenova, E. V. (2008) Iz vospominanii o Maiakovskom // Tvorchestvo V. V. Maiakovskogo v nachale XXI veka. Novye zadachi i puti issledovaniia. M. : IMLI RAN. S. 648–710.

Chuzhak, N. (1923) K zadacham dnia (stat'ia diskussionnaia) // Lef. № 2. S. 145–152.

Iangfel'dt, B. (2009) Stavka — zhizn'. Vladimir Maiakovskii i ego krug. M. : KoLibri.